

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47+57) «12/14»

РУССКИЙ КНЯЗЬ В СТАВКЕ ОРДЫНСКОГО ХАНА

Ю. В. Селезнёв

Воронежский государственный университет
E-mail: orda1359@mail.ru

В статье предлагается теоретическая реконструкция пребывания русских князей при дворе ордынского хана в XIII–XV вв. Работа основана на анализе свидетельств в русских летописях, записок арабских, китайских и западноевропейских путешественников.

Ключевые слова: Русь, Орда, русско-ордынские отношения, Джучиев улус, Сарай.

Russian Prince at the Court of the Golden Horde's Khan

Ju. V. Seleznev

In this article theoretical reconstruction of staying Russian princes at a court of the khan of Golden Horde in XIII–XV centuries is offered. This work is based on the analysis of Russian chronicles accounts, notes of the Arabian, Chinese and West European travellers.

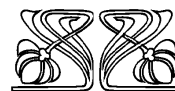
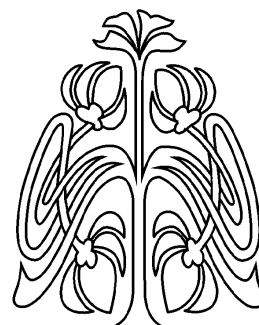
Key words: Russia, Golden Horde, Russo-tatar relations, Ulus Djuchi, Sarai.

В результате монголо-татарского завоевания в 1230–1240-х гг. русские княжества оказались непосредственно вовлечены в сферу политического влияния Джучиева Улуса. Особенности данного взаимодействия рассмотрены в работах Н. М. Карамзина, А. Н. Насонова, В. Г. Вернадского, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якобувского, Ч. Гальперина, Д. Голдфранка и Д. Островски, А. А. Горского, И. Н. Данилевского, А. И. Филошкина. Специально посвятила своё исследование пребыванию русских людей, в том числе и князей, в Орде М. Д. Полубояринова¹.

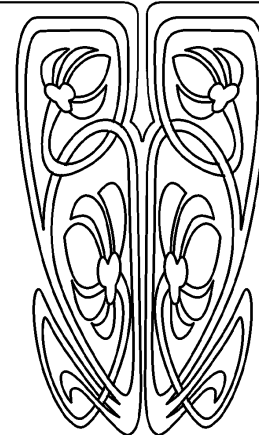
В целом исследователи, отмечая включенность русских князей в политическую систему Орды, неизбежность их пребывания долгое время в ставке хана, вовлеченность в функционирование элиты Джучиева улуса, значительность влияния данных процессов на менталитет правителей и, соответственно, на последствия для развития Руси, различных способов усвоения политической культуры подробно не рассматривали. Не рассмотрены подробно и особенности пребывания русского князя в ставке восточного правителя. Между тем именно во время своего присутствия при дворе ордынского хана русские князья усваивали джучидскую политическую культуру.

В первую очередь необходимо отметить, что путникам, въехавшим на территорию ордынского государства, выделялись сопровождающие лица, которые должны были провожать их до места назначения, советовать представителям другого племени, как себя вести в стране, и обеспечивать их безопасность. Так, Рубрук упоминает о сопровождавшем его проводнике². О провожатых говорит и Плано Карпини, а в ставке Куремсы к нему приставили «трех Татар, которые были десятниками»³. Ибн Батута совершал свое путешествие в сопровождении довольно знатных лиц – наместника Крыма эмира Туглук-Тимура и его брата Исы⁴.

Вероятно, русские князья, которые ездили преимущественно водным путем, таких сопровождающих лиц получали только в ставке хана (в столице или в кочевье). Во всяком случае в «Житие Михаила Тверского» особо отмечается, что Михаилу Ярославичу по прибытии в ставку хана «Царь же дасть ему пристава, не дадуще его никому же обидети»⁵.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Достигшим столицы ордынского государства русским князьям предстояло выяснить, здесь ли хан. Если хана в Сарае не было, необходимо было добираться до места его кочевания.

Яркой иллюстрацией этого является описание поездки князя Бориса Константиновича Нижегородского к хану Токтамышу в 1389 году. Прибыв в столицу Орды, князь узнал, что «... в то время царь Токтамыш пошел на воину ратию на Темиръ Аксака»⁶. Хан Токтамыш не стал решать вопросов в условиях боевого похода: князю пришлось провести тридцать дней в дороге, и только затем Токтамыш позволил ему вернуться в Сарай и дожидаться его там.

В ожидании аудиенции в ставке хана русским князьям и их спутникам предстояло решать ряд бытовых проблем.

В первую очередь необходимо было расположиться для проживания. Арабский путешественник Ибн Батута, посетивший Орду в 1334–1336 гг., отметил, что в Сарае существовали кварталы по национальному признаку, в том числе и русский: «Каждый народ живет в своём участке отдельно; там и базары их»⁷. Заботу о пропитании необходимо было взять на себя, как свидетельствовал тот же Ибн Батута: «Эти Тюрки не знают ни обычая отвода помещения приезжему, ни отпуска ему продовольствия, а только посылают ему овец и лошадей для заклания и меха с кумысом. Вот их способ оказывания почта»⁸. Причем эти слова имеют отношение к почетным гостям, каковым был Ибн Батута, и официальным послам. Русские же князья, будучи подданными хана, могли не получать даже этого минимума.

Наличие своего национального квартала позволяло вести привычный образ жизни и соблюдать обряды в соответствии с вероисповеданием. К примеру, привычка стирать и мыть одежду вызывала протесты татар и могла привести к смертной казни: «... не есть снега и не мыть платья в орде, а если уже случится мыть его, то делать это тайком...»⁹.

Русские источники обозначают место расположения в ставке хана русских князей как «стан» или «вежа». Например, при описании казни Александра Михайловича Тверского летописец указывает: «А **двор** блаженнаго разграбиша Русь же и татарове, а имение русское повезоша к себѣ в **станы**, а **вежю** расторгоша подробну...»¹⁰. Таким образом, в стане или веже князю отводилось особое место – его двор.

Вероятно, стандартное время пребывания при дворе хана составляло около 25 дней. В случае отсутствия каких-либо осложнений (русские источники особо отмечают задержку ханом князей) после аудиенции у хана и получения соответствующих ярлыков князья или послы отправлялись домой. Об указанном количестве времени свидетельствует Галицко-Волынская летопись, в которой повествуется о поездке князя Даниила Романовича Галицкого к Батыю: «Бывшу же князю

у них дней 20 и 5, отпущень бысть, и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимъ»¹¹.

Арабский автор XIV столетия Ал-Муфадаль, рассказывая о пребывании при дворе ордынского хана Берке, указывает, что «пробыли они у него 26 дней»¹².

Косвенно указанное время на аудиенцию у хана подтверждают свидетельства о поездке московского князя Василия I в 1412 году. Выехав 1 августа из столицы княжества в ставку хана, он должен был прибыть туда через два месяца, примерно 1 октября. А 26 октября он был отпущен ханом и приехал в Москву до 24 декабря 1412 года¹³. Таким образом, время пребывания князя в ставке хана Джелаль-ад-Дина составило как раз 25–26 дней.

За это время князья должны были посетить хана, когда тот соизволит их вызвать.

Аудиенция была сопряжена с рядом обрядов. В частности, приходящие к хану должны были пройти между двумя очистительными огнями. Отказ от соблюдения данного обряда мог повлечь за собой печальные последствия. Так, князь Михаил Всеволодович Черниговский, не пройдя обряда, был казнён¹⁴.

Однако этого языческого обряда можно было избежать. Во всяком случае составитель Галицко-Волынской летописи отмечает, что князю Даниилу Романовичу Галицкому удалоськлониться от него: «Приходяща цари, и князи, и велможе солнцю и луне и земли, дьяволу и умершимъ въ адъ отцемъ ихъ и дедомъ и матеремъ водяше около куста поклоняться имъ ... приде к Батыеву на Волгу. Хотящу ся ему поклонити, пришедшу же Ярославлю человеку Съньгурови, рекше ему: “Брат твой Ярославь кланялься кусту и тебе кланяться”. И рече ему: “Дьволь глаголетъ из усть ваших. Богъ загради уста твоя и не слышано будеть слово твое”. Во тѣ час позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ и злого их бешения и кудешества»¹⁵.

Далее летописец отмечает, что Даниил «... поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежю его (Батыя. – Ю. С.)»¹⁶. Порядок же вхождения в юрту хана известен нам из описаний в арабских хрониках и записках западноевропейских путешественников.

Арабский автор Ал-Муфадаль, описывая прием египетских послов ханом Берке, отметил следующее: «Рано утром царь Берке, находившийся в близком от них помещении, пригласил послов к себе. Их уже уведомили, что им следует делать при входе к нему, т. е. ... никому не входить к нему в шатер с мечом, с ножом или с оружием; не прикасаться ногами к порогу шатра; когда кто снимет с себя свое оружие, то слагать его на правую сторону, вынуть лук из сайдака, опустив тетиву, не оставлять в колчане стрел»¹⁷.

Папский легат Плано Карпини описывает свой приём у Коренцы (Куремсы): «... мы поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце...

Взяв дары, они повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили все это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя...»¹⁸. Китайский сановник Сюй Тин, посетивший монгольские степи в 1235–1236 гг., также отмечал, что кочевники казнят тех «кто [коснется] обовью порога»¹⁹. Также он отмечал, что монголы «в знак приветствия ... припадают на левое колено в качестве поклона»²⁰.

Таким образом, прежде чем войти в шатер или юрту хана, необходимо было трижды преклонить перед входом колено, снять ремни с холодным оружием, отпустить тетиву у лука и вынуть стрелы из колчана. Оружие необходимо было сложить с правой от себя стороны. Особо отмечена необходимость остерегаться наступить на порог входной двери шатра или юрты – за это можно было поплатиться жизнью.

Внутреннее убранство ханского шатра описывает арабский автор Ал-Муфадаль. Египетские послы, войдя к ордынскому хану, «...застали царя Берке в большом шатре, вмещавшем в себе 500 всадников, покрытом белым войлоком, внутри обитом шелковыми материями и китайками (?) и украшенном жемчужинами и драгоценными камнями»²¹.

Далее описывается впечатление от аудиенции. Арабский автор отмечает, что сам хан «сидел на престоле, свесив обе ноги на скамейку, на которой лежала подушка, так как хан страдал ломотою в ногах. Сбоку у него сидела старшая жена его»²². Подобную же картину в отношении Батыея описывает Плано Карпини: «...А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жен...». Рубрук, посетивший двор Батыея десятилетием позже Карпини, застал ту же картину: «...Сам же он (Батый. – Ю. С.) сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа...»²³.

Далее, по словам арабского автора Ал-Муфадаля, послам следовало представить послание, которое хан Берке «...приказал визирю прочесть... Потом он велел перейти с левой стороны (на правую) и уставить их по бокам шатра, позади находившихся при нем эмиров, приказал подать им кумыса и после того вареного меда, а потом предложил им мясо и рыбу, и они поели...»²⁴.

Несколько иначе принимали Плано Карпини: «...Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа...»²⁵.

Здесь необходимо отметить, что, по свидетельству китайского путешественника Сюй Тина, кочевники, и в частности монголы, «помещают в середину самых почитаемых людей, следующих по почитаемости – справа от них, а левая сторона – для ниже их сидящих»²⁶.

Более детально свой прием у Батыея описал Рубрук. Во-первых, он указал, что его предупредили, «...чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко...». Во-вторых, посланник французского короля указал, что «...нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы...». Когда же ему было позволено изложить суть своего послания, «...Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого...». Выслушав посланника, Батый «...приказал мне встать и спросил об имени вашем (французского короля. – Ю. С.), моем, моего товарища и толмача и приказал все записать...». Побеседовав с Рубруком, Батый распорядился, чтобы он и его сопровождающие сели «и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме...»²⁷. Решение по сути дела было отложено на более позднее время, а послы были отпущены.

Надо полагать, что подобную картину видели в ставке хана и русские князья. Вероятно, им необходимо было соблюдать при посещении хана точно такую же последовательность действий. Основанием для подобного суждения является пример князя Даниила Галицкого, который, по словам летописца, войдя к Батыею, «поклонился по обычаю ихъ» и «...сидеть на колену и холопомъ называется...»²⁸. По всей видимости, чтобы представить суть своего посещения, Даниилу предстояло выйти на середину шатра и преклонить колени перед ханом. Не исключено, что, не будучи послами, но являясь владетельными правителями, русские князья не должны были преклонять колен перед входом в шатер. Во всяком случае, никаких прямых указаний на необходимость этого в источниках не сохранилось.

Далее летописец передает суть беседы князя с ханом Батыеем: «Рекше ему: “Данило, чему еси давно не пришел? А ныне оже еси пришел – а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузь?”. Оному же рекшу: “До-селе есмь не пилъ. Ныне же ты велишь – пью”. Он же рче: “Ты уже нашъ же тотаринъ. Пий наше питье”. Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ, изъмолвля слова своя...»²⁹. Таким образом, Даниил и, вероятно, все русские князья на приеме должны были испить кумыса, что, как отмечал Рубрук, было оказанием чести, а отказ от разделения питья с ханом мог нанести серьезное оскорбление. Затем Даниил заявил Батыею: «“Иду поклониться великой княгини Баракъчинови”. Рече: “Иди”».

Шедь поклонися по обычаю. И присла вина чюмъ и рече: «Не обыкли питии молока, Пий вино»³⁰. Надо полагать, что старшая жена Батыя Боракчин находилась в том же шатре слева от хана. По отношению же к посещавшему правителя она оказывалась на правой стороне. Таким образом, Даниил перешел с левой стороны на правую, почтил вниманием жену Батыя и был поощрен ковшом вина из рук хана.

Особо необходимо подчеркнуть, что русские князья, испившие кумыс, считали себя серьезно согрешившими. По свидетельству Рубрука, «... находящиеся среди них (монголо-татар. – Ю. С.) христиане, Русские, Греки и Аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его (кумыс. – Ю. С.) и даже не считают себя христианами, когда выпьют, и их священники примиряют их тогда [со Христом], как будто они отказались от христианской веры»³¹. Таким образом, после посещения хана русские князья оказывались в состоянии наложенной епитимьи и, по всей вероятности, проводили время в молитвах³².

По свидетельствам из арабских и западноевропейских источников, во время аудиенции у хана в шатре находились знатные нойоны или эмиры. Ал-Муфадаль отметил, что «... в шатре сидело 50 эмиров на скамейках»³³. Плано Карпини, описав расположение Батыя и его жены, указал, что «... другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево»³⁴. Рубрук, описывая присутствующих на приеме, не отмечает какого-либо особого порядка: «... Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи»³⁵.

Как отмечалось выше, решение по сути вопроса не принималось ханом сразу, при первом посещении. В течение месяца князьям предстояло ещё, как минимум, один раз посетить хана. В сложных и спорных вопросах количество приёмов могло увеличиваться.

Обычный день русского князя в ставке хана, если не был заполнен посещением хана и знатных лиц, состоял из молитв и передвижения по столице или ставке хана с целью сбора информации. Вероятно, князья передвигались верхом на лошади. Во всяком случае, единственное упоминание о времяпровождении князей в ставке хана относится к князю Александру Михайловичу Тверскому, который «Кончавше заутрню, онъ же вседь на конь, и нача издिति, вестъ переимаа»³⁶. В данном случае необходимо отметить, что китайский путешественник Сюй Тин особо подчеркивал, что ему «за время поездок в степь и обратно ни разу не пришлось увидеть кого-нибудь, кто бы путешествовал пешком»³⁷.

Для оказания почта хану и правящей элите Джучиева улуса, а также для обеспечения положительного решения вопроса князья должны были посетить жен хана и его эмиров, в первую очередь из ближайшего окружения хана. Так, в 1371 г.

«...прїида въ Орду, князь великїи Дмитреи Московьскїи многы дары и велики посулы подавалъ **Мамаю и царицамъ и княземъ**, чтобы княженїа не отъняли»³⁸. В 1431 г. решение судьбы великого княжества в споре между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем оказалось в зависимости от позиции ордынских эмиров. По словам летописца, «Боарин же бе тогда с великим князем Иванъ Дмитриевич (Всеволожский. – Ю. С.), тои здума великому князю начат бити челом великим княземъ Ординьским, Алдару и Миньбулату, и прочим князем Татарьским за своего государя великого князя Василья... яко же стрелою уязви сердца их, и таков си они князи Ординьстїи начаша царю бити челом за великого князя»³⁹.

По данным «Жития Михаила Тверского», князь в 1318 г., прибыв в ставку хана, сначала «одари вси князи и царицю» и лишь затем («последи же») «и самого царя»⁴⁰.

Посещение жены хана описал Ибн Батута. На следующий день после посещения хана Узбека он отправился к Тайдуле, его старшей жене. По словам арабского путешественника, «... Она сидела среди десятка старых женщин, как бы её прислужниц; перед ней находилось около 50 маленьких девушек, называемых дочками, перед которыми стояли золотые и серебряные блюда, наполненные вишнями, и они чистили их. Перед хатунью стояло золотое блюдо, наполненное ими же (вишнями), и она также чистила их». Ибн Батута поклонился Тайдуле, и она приказала поднести гостю кумыс. Путешественник подчеркивает, что напиток «принесли в красивых, легких деревянных чашах. Она собственноручно взяла чашу и подала мне ее. Это у них крайняя любезность. Прежде этого я никогда не пивал кумысу, но мне нельзя было иначе поступить, как взять его». Арабский путешественник и хатунь провели вполне светскую беседу («она расспрашивала меня относительно многих обстоятельств нашего путешествия и мы отвечали ей»), после чего Ибн Батута покинул шатер Тайдулы⁴¹.

Приведенное описание дает нам определенное представление об обстоятельствах смерти князя Ярослава Всеволодовича в Каракоруме осенью 1246 года. По данным Плано Карпини, находившегося в это время при дворе хана Гуюка, князь Ярослав «был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почта, дала ему есть и пить из собственной руки, и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там ополчили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»⁴².

Если Ярослав Всеволодович действительно был отравлен и его смерть не явилась трагической случайностью и совпадением с посещением Туракины, это случилось потому, что князь не мог отказаться от чести принять из рук столь знатной особы преподнесенного ему питья. В

противном случае это явилось бы оскорблением и могло повлечь за собой серьёзные последствия, вплоть до казни. Таким образом, если принимать версию Плано Карпини о смерти Ярослава с целью «свободнее и окончательнее завладеть его землею», выбора у князя не было: приняв чашу с питьем из рук хатуни, он был отравлен; отказавшись от неё и нанеся тем самым оскорбление, он был бы казнен.

Вообще пребывание русского князя при дворе хана была сопряжено с опасностью быть осуждённым и казнённым. Процедура судопроизводства и приведения приговора в исполнение скрупулёзно описана в «Житие Михаила Тверского». Ряд деталей нам дают описания казни других князей – Михаила Черниговского (1245), Романа Рязанского (1270), Александра Тверского (1339) (всего за период ордынского владычества было казнено 11 князей).

Навестив эмиров, жен хана и самого Узбека, Михаил вынужден был ожидать дальнейших событий полтора месяца. По истечении данного срока Узбек распорядился произвести судебное разбирательство: «Сотворита има суд съ княземъ Юриемъ»⁴³.

Судя по контексту повествования, ордынские эмиры не торопились с осуществлением судопроизводства. Тем не менее в один из дней «собраша вси князи ординьсти за дворъ его, сѣдше въ единой веже». Таким образом, судебное разбирательство совершалось рядом со станом князя Михаила.

Обвинения предъявлялись в письменном виде: «покладааху многы грамоты съ многимъ замышлениемъ»⁴⁴. Основное обвинение состояло в утаивании дохода: «Многы дани поимал еси на городех наших, а царю не дал еси»⁴⁵. Особое возмущение автора «Жития...» вызвало совмещение статуса судьи и свидетеля Кавгадыем: «...се бо бяше нечестивый Кавгадый самъ судия и, судя же, тоже лживъ послухъ бываше»⁴⁶. Причем Кавгадый, судя по тексту памятника, всячески выгораживал себя в событиях предшествующего времени. Данное заседание судей не завершилось каким-либо решением.

Только через неделю Михаил предстал перед судьями на следующем заседании. Однако в этот раз его связали и объявили приговор: признать виновным в утайке дани («царевы дани не далъ еси»), сопротивлении ордынцам («противу посла биься еси») и в отравлении сестры Узбека – жены московского князя Юрия Кончаки – Агафьи («а княгиню Юрьеву повелель еси уморити») ⁴⁷.

Михаил был взят под стражу, и «приставиша от седми князей семь сторожей, инехъ немало»⁴⁸, а утром следующего дня «возложиша колоду велику от тяжка древа на выю»⁴⁹. Именно так, с колодой на шее, было приказано отправить князя Михаила вслед за ханом Узбеком, который выехал на охоту.

Через 24 дня по приказу Кавгады князя Михаила вывели на торг и «повелѣ святаго поставити на колѣну пред собою»⁵⁰.

А спустя 26 дней, 22 ноября, князь был предан смерти. Автор «Жития...» описывает саму казнь следующим образом: палачи ворвались в помещение где находился князь в колодке, который встретил их стоя («Убийцы же, яко диви Зверие, немилостивии кровопийцы, разгнавшѣ всю дружину блаженнаго, вскочивше в вежу, обрѣтоша его стояща»). Удерживая за деревянную колодку, его начали бить, – удары были такой силы, что отлетая, князь проломил стену помещения («И тако похвативше его за древо, еже на выи его, удариша силно и вьломиша на стену, и проломися стена»). Князь поднимался, но после того, как палачи его снова повалили, они начали бить Михаила ногами («Он же паки вскочивъ, и тако мнози имше его, повергоша на землю, бияхуть его нещадно ногами»). Затем его закололи ножом, а сердце вырезали («И се единъ от беззаконных, именем Романецъ, и извлече ножъ, удари в ребра святаго, в десную страну и, обращая семо и овамо, отреза честное и непорочное сердце его»). «И тако предасть святую свою блаженную душу в руце Господеву великий христолюбивый князь Михайло Ярославичъ месяца ноября в 22 день, в среду, въ 7 дни...»⁵¹ – завершает своё описание казни автор «Жития...». Место стоянки князя было разграблено и разгромлено.

Казнь Михаила Черниговского в 1246 г. была осуществлена иначе: приехавшие верхом палачи схватили его и, удерживая за руки, начали бить кулаками в грудь («Тогда убийци приехаша, скочиша с конь и, яша Михаила и растягоша за руце, почаша бити руками по сердцю»); затем его повергли наземь и били ногами, пока не остановилось сердце («По семь повергоша его ниць на землю и бияхуть и пятами. Сему же надолзе бышу»). И только потом ему отрезали голову («Некто... именемъ Доманъ, сий, отреза главу святому мученику Михаилу и отверже ю проч...») ⁵². Вместе с князем принял мученическую смерть его верный боярин и слуга Федор: «Тогда начаша Феодора мучити, яко же и преже Михаила, после же честную его главу урезаша»⁵³.

В материалах католической миссии, в частности в записках Ц. де Бридиа, также сохранилось описание казни князя Михаила Всеволодовича Черниговского: «...недавно случилось так, что правитель Михаил, из великих князей Руси, когда он подчинился их власти и не захотел названному идолу кланяться, говоря, что это не дозволено христианам, и когда он упорно настаивал на непоколебимости своей веры в Христа, было приказано бить его пятаком в грудь до смерти. И когда его воин поощрял к стойкости в мученичество, то ему перерезали горло ножом. А воину, который поощрял, отсекали голову...»⁵⁴.

Таким образом, разные независимые друг друга источники описывают нам примерно одина-

ковую картину казни Михаила Черниговского, что свидетельствует в пользу достоверности данных описаний.

Под 1270 г. в русских летописях помещено описание казни князя Романа Рязанского: вероятно, князя повалили на землю, вложили в рот деревянный брусок и начали отрезать пальцы ног и рук, а затем, вероятно же, сами руки и ноги («заткоша ему уста убрусомъ, начаша его резати розно»). Судя по контексту («и яко розоимаша, остас(я) трупъ единъ»), князь скончался от болевого шока; после этого ему отрезали голову и палачи, насадив ее на копье, продемонстрировали окружающим место казни зевакам («они же голову его одраша, на копие възоткнуша»)⁵⁵.

Скорее всего, подобным же образом были казнены князь Александр Михайлович Тверской и его сын Федор: «... месяца октября 29 (1339 г. – Ю. С.) ... убьена быста и розоимаша ихъ по составомъ»⁵⁶. Правда, летописец в данном случае меняет последовательность – сначала отец и сын были убиты и только затем расчленены.

Как мы видим, сама казнь была публичной, кровавой и жестокой. Вероятно, это должно было служить для устрашения непокорных князей, в первую очередь русских. Вполне закономерно, что видевшие казнь своих родных и близких князья оказывались под страхом мученической смерти и старались не прогневить хана своим поведением.

Кроме казней, русские князья становились свидетелями и других событий в ставке хана.

К примеру, летописные записи о богатых событиях 1360-х гг. – времени «великой зямтнии» в Орде – сохранили массу свидетельств о пребывании князей в ставке хана и об их впечатлениях от происходившего в степи.

Главное, что отмечали летописцы, – это смена главы государства. Политический аспект был жизненно важен для русских князей, потому уже под 1359 г. летописи фиксируют процесс смены ханов, записанных, по всей видимости, по рассказам князей и сопровождающих их лиц. В конце лета 1359 г. был убит хан Бердибек и престол занял Кульпа. А 13 ноября того же года умер великий владимирский князь Иван Иванович Красный и, в соответствии со сложившимся порядком, «... Тое же зимы князи Роусьскыи поидоша въ Ордоу...» для возобновления инвеституры и получения ярлыка на вакантное теперь Владимирское княжество. Однако ко времени достижения русскими князьями столицы Орды там уже занял престол Науруз «и къ нему попридоша вси князи Роусьскыи»⁵⁷. Первой ко двору прибыла московская делегация, сопровождавшая малолетнего князя Дмитрия Ивановича, «и видэ царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ», Науруз предложил ярлык на Владимирское княжество Андрею Константиновичу Нижегородскому. Но тот отказался и «состоупися брату своему меньшему князю Дмитрею»⁵⁸.

Показательны события 1361 г., когда в степь отправилось солидное количество князей в связи с приходом к власти Хызра (Кидырь/Хидырь). Особо летописец отмечает, что Дмитрий Иванович Московский и его свита «милостію Божією выиде изъ Орды до зямтнии». После этого в памятнике засвидетельствованы очередная смена хана – «убіенъ бысть царь Кыдырь отъ своего си брата отъ Мурута и седе на царстве Мурут» – и фактический распад Орды на отдельные улусы и орды: Крымом завладели Мамай и его марионеточный хан Абдулах («А Мамай князь Ординскыи и осилель съ другую сторону Волги, царь бе у него именем[ъ] Авдуля»), самозванец Кильдибек завладел Нижним Поволжьем («а трети царь въ тоже время въ Орде въста въ нихъ и творящес[ъ] сынъ царя Чанибека именем[ъ] Килдибек и тотъ тако же дивы многи творяше въ нихъ»), в столице Джучиева улуса установилась своя власть («А иные князи Ординскыи затворишась въ Сарай, царя у себе именующи 4-го»), Волжскую Булгарию захватил эмир Булак-Темир («А Болакътемиръ Българы взялъ и ту пребываше, отънялъ бо Волжскыи путь»), Мордовский улус обособился под главенством эмира Тагай («А инои князь Ординскыи, Тагаи бе имя ему, и отъ Бездежа и Наручады ту страну отънялъ себе и ту живящее пребывавшее»)⁵⁹. Летописец завершает свой обзор общими замечаниями: «... гладу же въ нихъ велику належашу и зямятне мнозе и нестроению надлъзе пребывающу и не prestaющее другъ на друга въстающе и крамолююще и воюющее межи собою, ратящесе и убивающес[я]»⁶⁰.

Можно с уверенностью говорить, что все эти детали политического кризиса в Орде появились в летописных памятниках в результате обработки личных наблюдений русских князей и сопровождавших их лиц. Основанием для подобного вывода является предварительное замечание автора: «Того же лэта (1361 г. – Ю. С.) поидоша въ Орду князь великийи Дмитрей Костянтинович[ъ] Суждальскыи, князь Андреи братъ его, князь Костянтинь Ростовскыи, бысть при нихъ зямтния велика въ Орде (курсив мой. – Ю. С.)»⁶¹. Вероятно, именно впечатления нижегородско-суздальских и ростовского князей легли в основу данного отрывка.

Несколько иную версию мы читаем в том же Рогожском летописце. Но начинается она со свидетельства о том, что «... Тое же осени (1361 г. – Ю. С.) князь Василей (Василий Михайлович Тверской, Кашинский. – Ю. С.) пріиде изъ Орды съ Бездежа увернувся, а сребро тамо поклалъ». Далее приводятся подробности смерти Хызра, причем более детально: «А царя Хедыр и сына его убили, и бысть въ Орде зямтня велика, а на царствэ посадили Хедырева сына болшаго и пребылъ на царстве 2 недели и они его убили, а потомъ Ардемелика посадили на царстве, и тотъ царствовалъ месяц и оне его убили. И бысть въ Орде зямтня велика и сеча старыи князи Сарая

и когуи, инехъ множество побиша...». А вот последующие события приводятся более бегло и поверхностно, правда, с добавлением некоторых деталей: «...И на седе на царство Мурутъ и яшася зань князи Ординьские. А Темирьхозя перебежа за Волгу и тамо убиень бысть, а Мамаи перебежа за Волгу, а Орда и царици вси съ нимъ. А Секизь бии Запаніе все пограбиль и, обрывся рвомъ, ту седе»⁶². Вероятно, источником данного сообщения был другой информатор, в поле зрения которого попали в большей степени события в столице Орды. В то же время и первое сообщение, и второе повествуют в основном о смене власти в Сарае, то есть оба информатора наблюдали происходящее непосредственно в столице Джучиева улуса, а о том, что происходило за её пределами, узнавали со слов очевидцев. Надо полагать, что сведения исходили если не от самих пребывавших в степи князей, то во всяком случае из их свиты и ближайшего окружения. Причем второе сообщение, явно «тверского» происхождения, вероятно, связано с информаторами тверского княжеского двора, а возможно, и с человеком, специально отправленным в столицу Орды, вернувшимся с дороги Василием Кашинским. Задачей таких посланников и был сбор сведений о происходящих в государстве событиях и об изменениях в политической ситуации. Ведь не случайно в следующем году, когда страсти более-менее улеглись, князь Кашинский с сыновьями отправился в ставку хана.

Несколько иные детали пребывания князей представлены в описании поездки в ставку хана Улуг-Мухаммеда Василия Васильевича Московского и Юрия Дмитриевича Галицкого.

В первую очередь летописец отмечает, что князья были размещены у московского даруги Минь-Булата. Причем особо подчеркивается: «Князю же великому честь бе велика от него, а князю Юрью бесчестие, истома велика». Однако ордынский эмир Ширин Тегиня «добрь бяше до князя Юрья» – под угрозой применения оружия от забрал Юрия и вместе с ним отправился на зимовку в Крым. Василий Васильевич зимовал в ставке хана в кочевье Минь-Булата. Во многом этот факт сыграл решающую роль, потому что хан выдал ярлык юному Василию: будучи при дворе ордынского правителя, сопровождающим лицам московского князя, и в частности Ивану Дмитриевичу Всевожскому, удалось склонить на свою сторону влиятельных ордынских эмиров и хана⁶³.

Однако хан Улуг-Мухаммед решил, прежде чем выдать ярлык, устроить судебное разбирательство: «Царь же повелевъ своим княземъ судити князеи Русских, и много пря бысть межи их».

Суд выиграла московская делегация, поскольку Юрий апеллировал к завещанию своего отца Дмитрия Ивановича (Донского) («искаше стола своего, князь Юрьи летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея»), а боярин Всевожский особый упор делал на волю хана и подчинение этой воле Мо-

сквы: «... Нашь государь великы князь Василие ищетъ стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком...»

Особо летописец отмечает обряд поведения князя: после выдачи ярлыка хан «...повеле князю Юрью и конь повести под ним». Летописец особо подчеркивает, что Василий отказался от этой чести для него самого и унижения для его дяди («Князь же великы не восхоте того, дядю своего обесчестити»).

Другим немаловажным результатом визита русских князей стало то, что несогласный с решением ордынского правителя эмир Ширин Тегиня хотел покинуть Улуг-Мухаммеда и перейти на сторону его противника Кичи-Мухаммеда («...а Ширинъ Тегиня ста о том же противу царя и хоте отступити от него, поне же бо в то время пошель бяше на Махмета Кичъ Ахмет царь...»)⁶⁴.

Примечательно, что позиция ордынских эмиров в отношении того или иного русского князя могла повлиять на политическую обстановку в Орде, в том числе и на мнение хана. Этот факт свидетельствует о значительном вовлечении русских князей в политическую культуру Орды: позиция князя могла, таким образом, повлиять в определенных условиях на обстановку при дворе ордынского хана, во всяком случае в первой половине XV столетия.

Таким образом, русские князья должны были провести в ставке хана не менее 25/26 дней. За это время им надо было навестить хана, его жен и знатнейших эмиров, что давало возможность не только склонить их на свою сторону, но и продемонстрировать почтение и уважение к хану и государству.

Примечания

- ¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. СПб., 1842. Т. 4. Стб. 22. Т. 5. Стб. 216; Насонов А. Н. Монголы и Русь // Арабески истории. М., 1994. Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 1. С. 160; Вернадский В. Г. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 352; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 220; Halperin Ch. J. Muscovite Political Institutions in the 14th Century // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Spring 2000. Vol. 1, Number 2. P. 237–257; Goldfrank D. Muscovy and the Mongols: What's What and What's Maybe // Ibid. P. 259–266; Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: антология. Spring, 2001. С. 143–171; Ostrowski D. Muscovite Adaptation of Steppe Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Spring 2000. Vol. 1, Number 2. P. 288, 289, 290, 291–292, 294; Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальности русского средневековья. М., 2001. С. 137; Данилевский И. Н. Русские земли

- глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций. М., 2001. С. 207 ; *Филлюшкин А. И.* Золотый круглый стол «От орды к России» // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 231 ; *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 8–18.
- ² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 119–120.
- ³ Там же. С. 34, 69.
- ⁴ Подробнее см.: Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи) : в 3 т. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. С. 127.
- ⁵ Житие Михаила Ярославича Тверского / подгот. текста В. И. Охотниковой, С. А. Семячко, пер. и коммент. С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР) : в 16 т. 2000. Т. 6. С. 86.
- ⁶ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Т. XV, вып. 1. Стб. 156–157.
- ⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 143.
- ⁸ Там же. С. 133.
- ⁹ Там же. С. 92–93.
- ¹⁰ Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 86.
- ¹¹ Галицко-Волынская летопись / подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачева // БЛДР. 2000. Т. 5. С. 256.
- ¹² Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
- ¹³ ПСРЛ. Т. XI. С. 220.
- ¹⁴ Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // БЛДР. 2000. Т. 5. С. 158.
- ¹⁵ Галицко-Волынская летопись. С. 254, 256.
- ¹⁶ Там же. С. 256.
- ¹⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
- ¹⁸ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 69.
- ¹⁹ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 55.
- ²⁰ Там же. С. 40.
- ²¹ Там же. Т. 1. С. 92–93.
- ²² Там же.
- ²³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 71, 119, 120.
- ²⁴ Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
- ²⁵ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 71.
- ²⁶ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 40.
- ²⁷ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 119–120.
- ²⁸ Галицко-Волынская летопись. С. 256.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 105.
- ³² Под «примирением» Рубрук, вероятно, имел в виду причащение, следующее за покаянием. В результате на раскаявшегося могла быть наложена епитимья – духовно-исправительная мера, налагаемая исповедником на исповедующегося. Поскольку целью епитимьи является искоренение грехов, то в епитимии назначаются подвиги добродетелей, прямо противоположных греху, за который назначаются, например сребролюбивому назначается милостыня. Ослабевшим же в вере и уповании, к которым, по всей видимости, после испития кумыса относились русские князья, должна была быть назначена усиленная молитва. Подробнее см.: *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. М., 2008. С. 146–147, 315.
- ³³ Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 92–93.
- ³⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 71.
- ³⁵ Там же. С. 119–120.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 418–420.
- ³⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 61.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 95–97.
- ³⁹ Там же. Т. XXV. С. 249–250.
- ⁴⁰ Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 76.
- ⁴¹ Золотая Орда в источниках. Т. 1. С. 134–135.
- ⁴² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 77.
- ⁴³ Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 78.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 80.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 86.
- ⁵² Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. С. 160, 162.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 116–117 ; См. также: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 29.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 403–404 ; Т. XXV. С. 150.
- ⁵⁶ Там же. Т. XXV. С. 172.
- ⁵⁷ Там же. Т. XV, вып. 1. Стб. 68.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 70.
- ⁶⁰ Там же. Стб. 71 ; Т. X. С. 230.
- ⁶¹ Там же. Стб. 70.
- ⁶² Там же. Стб. 71.
- ⁶³ Там же. Т. XXV. С. 249–250.
- ⁶⁴ Там же.